

Басманцев Дмитрий Викторович

**МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ И УЕЗДНЫХ ВОЕВОДСКИХ
СЛУЖАЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В 1727-1781 ГГ.**

В статье, на основе данных провинциальных и уездных канцелярий, проанализировано материальное обеспечение местного воеводского чиновничества и показаны факторы, влиявшие на их социальное и имущественное положение.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/4.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. III. С. 25-28. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

вербальной и невербальной коммуникации. Поэтому в основе традиции избегания, на наш взгляд, также лежит идея самооценности рефлексивной идентичности каждого конкретного человека, его отделения в пространстве от других из размывающего индивидуальность социального единства. Заранее известная позиция в вербальном и невербальном поведении (размещение в пространстве: право-лево, определенная межличностная дистанция, позволительность жестуляций, взглядов, уместности разговора и т.д.) в предстоящем общении освобождает человека от двусмысленности в неоднозначных обстоятельствах, способных сделать его более уязвимым, особенно в часто повторяющихся ситуациях повседневного взаимодействия, как например, родители-дети.

В контексте исследуемой темы приведем точку зрения Х. Г. Тхагапсоева, согласно которой кавказский стиль коммуникации направлен на «преодоление возникающей при этом многозначности, неопределенности. И достигается это за счет обозначения (сигнификации) и задействования в практику (что носит ритуально-церемониальный характер) актуальных в данный момент (в данной конкретной ситуации) смыслов культуры на основе ее «лектонического арсенала»» [5, с. 171].

Таким образом, можно заключить, что одной из важнейших особенностей северокавказской культуры является ритуально-церемониальный тип коммуникации, направленный на формирование идентичности в системе социальной стратификации различных представителей кавказских этнокультур. Кроме того, не менее существенно и то, что действие института избегания у народов Северного Кавказа свидетельствует о существовании в этом полиэтничном регионе единых культурных кодов, образцов поведения, которые позволяют человеку выходить на уровень региональной идентичности.

Список литературы

1. **Бгажноков Б. Х.** Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 225 с.
2. **Бларамберг И. Ф.** Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик: Эль-фа, 1999. 233 с.
3. **Сулименко С. Д.** Башенный архетип пространства в традиционных культурах горцев Кавказа // Научная мысль Кавказа. 1997. № 4. С. 60-70.
4. **Тхагапсоев Х. Г.** Что заменит нам протестантскую этику? // Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе: возможность и границы совместимости. Ростов-на-Дону, 2004. С. 130-146.
5. **Тхагапсоев Х. Г.** Южная Россия: кавказский этнокультурный мир как тип локальной цивилизации // Региональные культуры средневековья на территории России. СПб., 2001. С. 165-185.

COMMUNICATIVENESS AND SELF-IDENTIFICATION PROCESSES IN TRADITIONAL SOCIETIES OF CISCAUCASIA

Mar'yana Khamidbievna Atalikova

*Department of Culturology
Ciscaucasia State Institute of Arts
maryana.kh5@yandex.ru*

The author considers some aspects of the communicative culture of Ciscaucasia peoples through avoidance institution realization and pays special attention to self-identification processes in verbal and non-verbal communication construction system.

Key words and phrases: avoidance traditions; communicative distance; fosterage; self-identification.

УДК 94(470.344)«1727/1781»–057.34

В статье, на основе данных провинциальных и уездных канцелярий, проанализировано материальное обеспечение местного воеводского чиновничества и показаны факторы, влиявшие на их социальное и имущественное положение.

Ключевые слова и фразы: воеводский аппарат управления; денежное жалованье; классные чины; Российская империя в XVIII в.

Дмитрий Викторович Басманцев

*Кафедра архивоведения и документоведения
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
basmantsevd@rambler.ru*

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ И УЕЗДНЫХ ВОЕВОДСКИХ СЛУЖАЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В 1727–1781 ГГ. ©

Эффективность работы государственных учреждений зависит как от профессиональной подготовленности служащих и их численности, так и от материального обеспечения чиновничьего аппарата. Эти и многие

другие проблемы истории российской бюрократии XVIII в. отражены в трудах видных отечественных историков Ю. В. Готье, Н. Ф. Демидовой, С. М. Троицкого, Л. Ф. Писарьковой [6; 7; 14; 19] и др. Однако в историографии государственного управления Чувашии они остаются малоизученными. Исходя из этого, в настоящей статье ставятся следующие задачи: на примере деятельности провинциальных и уездных воеводских служащих Чувашии изучить основные источники доходов региональной бюрократии в 1727-1781 гг.; выявить факторы, влиявшие на социально-материальное состояние местных чиновников; воссоздать общую картину имущественного положения государственных служащих.

На протяжении всего XVIII в. на территории Чувашии численность чиновничьего аппарата управления была относительно стабильной, всего чиновников насчитывалось около 300 человек [8, с. 46]. В их числе уездные и провинциальные служащие: воеводы, воеводские товарищи, секретари (подьячие с приписью), канцеляристы, подканцеляристы, копиисты, писчики, офицеры и солдаты из штатной команды (рассыльщики), сторожи. Численность и функциональные обязанности служащих, получение ими жалованья и чинов, порядок работы учреждений регламентировались законодательством, в частности, Генеральным регламентом 1720 г., Табелью о рангах 1722 г., Штатами 1763 г. [1, с. 52-78; 18, с. 141-160; 20, с. 59-73] и др. После проведения административной реформы 1726-1727 гг. условия службы провинциальных и уездных воевод нашли отражение в Наказе 1728 г. [9, с. 94-112]. В 1730 г. был введен порядок смены воевод через каждые два года, а с 1760 г. – через пять лет [3, д. 9, л. 62; 11, с. 549; 13, с. 259-260]. За время службы воеводы со своими семьями размещались в казенных домах с дворовыми постройками или временно проживали «на монастырских городских подворьях» [9, с. 112]. Из составленной в 1779 г. описи чебоксарского воеводского дома со строениями видно, что для воевод были созданы необходимые условия для несения государственной службы. Так, в жилом здании имелось семь покоев с девятнадцатью окошками, сени, чулан; во дворе находились баня с предбанником, два хлева, амбар для кладки хлеба, конюшня и т.д. [3, д. 142, л. 89-90; 4, д. 53, л. 136-137].

Приказные служащие и другие должностные лица воеводских учреждений, в отличие от воевод, могли работать в канцеляриях неограниченное время: от нескольких лет вплоть до утраты трудоспособности или смерти. Царское правительство не предусматривало для них каких-либо казенных домов, поэтому в большинстве случаев канцелярские и другие низшие чины, в зависимости от того, в каком городе они служили, покупали землю с домом и дворовыми постройками, огородом и садом [3, д. 27, л. 95, д. 59, л. 85; 17, д. 18, л. 1 об. - 2]. Например, в 1739 г. алатырский рассыльщик Н. С. Ширяев продал «крепостной свой купленной двор» с огородом и различными строениями ассессору И. Г. Веригину за 10 руб. [17, д. 2, л. 1 об. - 2]. В 1742 г. копиист Алатырской провинциальной канцелярии И. И. Тимофеев купил у жителя г. Алатыря А. С. Маслова дворовое место, граничившее с землями других служащих этой же канцелярии: писчика А. Н. Ширяева, копииста И. П. Ожегова, секретаря А. И. Михайлова и рассыльщика П. А. Субочева [Там же, д. 15, л. 5 - 5 об.].

Кроме приобретенных земельных участков уездные и провинциальные служащие владели имениями, которые получали от правительства или по наследству от родителей [3, д. 106, л. 2, 20, д. 133, л. 2 об.; 4, д. 53, л. 368-369; 5, д. 221, л. 1 об. - 2]. До введения регулярной выплаты денежного жалованья в 1763 г. имения были основным вознаграждением за службу и одним из главных источников существования. Так, вотчинные земли чебоксарских служилых людей, несших гражданскую службу, были выделены за городом Чебоксары на речках Кувшине, Малой Кувшине [3, д. 106, л. 2, 20, д. 133, л. 2 об.]. Размеры пашенной земли с лесными и санными угодьями, в зависимости от социального статуса и занимаемой должности чиновника, а также от полученного наследства, доходили до 200 четвертей [3, д. 77, л. 2 - 2 об., д. 145, л. 6, 22 об. - 23, 38 об. - 40 об.; 4, д. 53, л. 368-369].

К примеру, к числу известных чебоксарских приказных людей относилась семья Трушениковых. Их имение располагалось «за Волгою рекою ниже города Чебоксар на реке Кувшине». Здесь имелись жилые помещения, надворные постройки и мельница. В 1739 г. в хозяйстве держали следующий домашний скот: «корову, телец, быков четыре, молодых телят три, свинеи болших шесть, зимняков тож число, лошадей». В 1740-1760-х годах, кроме крупного рогатого скота, стали разводить уток, русских кур, значительно увеличилось поголовье свиней [3, д. 106, л. 2, 11, 19 об. - 20]. По разным источникам, домашний скот и птица оценивались от 16 руб. 48 коп. до 50 руб. Основной доход Трушениковым приносила мельница на р. Кувшине. По свидетельству самого владельца, бывшего подканцеляриста Чебоксарской воеводской канцелярии Ф. Н. Трушеникова, в год на мельнице за помол зерна можно было получать 90 руб. (это, видимо, без учета выплаты годовых оброчных денег в размере 4 руб. 59½ коп.). За отдачу санных покосов в аренду можно было выручить около 16 руб. Всего за 1742-1751 гг. собранная сумма с мельницы и санных угодий превысила 900 руб. [Там же, л. 2, 9 об.]. К тому же, Ф. Н. Трушеников владел крепостными, различными строениями, землями и мельницей в Чебоксарском уезде на р. Шатьме [Там же, л. 19 об.].

Также канцелярские служащие на арендных началах пользовались крестьянскими землями и мельницами. Были случаи, когда арендованные общинные земли захватывались местными чиновниками и становились их собственностью [8, с. 67-68, 70-78].

Для ведения хозяйства в имениях местной бюрократии, как правило, были крепостные крестьяне [3, д. 59, л. 103 об.; 4, д. 41, л. 480 об.; 5, д. 195, л. 125 - 125 об.; 17, д. 19, л. 12]. Так, в 1779 г. за секретарем Чебоксарской воеводской канцелярии И. В. Апехтиным в Свяжском и Курмышском уездах числилось 35 душ мужского пола, а у его брата А. В. Апехтина, провинциального регистратора, было 4 крестьянина в Свяжском уезде и в г. Чебоксарах [4, д. 53, л. 368-369]. Следует добавить, что кроме крепостных крестьян у местных чиновников трудились временные работные люди. Например, в апреле 1741 г. житель д. Ядрино

Ядринского уезда чуваш Ю. Мелкеев отдал ядринскому из подьяческих детей А. А. Кудрявцову своего сына до 28 апреля 1745 г. за 4 руб. [17, д. 14, л. 21 об.].

Полученные доходы с мельниц и земельных угодий канцелярские служащие иногда пускали в торгово-промышленную деятельность или выдавали в долг [3, д. 155, л. 2 - 2 об.; 8, с. 133-134, 267, 293]. Денежные средства также тратились на приобретение земельных участков и крепостных, вкладывались в драгоценности и украшения. Из завещания вдовы канцеляриста М. С. Кокшайского К. Федоровой, составленного в 1778 г., видно, что в числе движимого имущества имелись иконы с серебряными окладами и ризами, с жемчугами, кокошник штофной с жемчугами весом 12 золотников, 10 жемчужных зерен весом 6½ золотников, различная одежда с камешками и жемчугами, золотые и серебряные серьги с изумрудами, кольца, пуговицы, стаканы и чарки из серебра, утварь из меди и олова и пр. [3, д. 157, л. 22-23].

Материальное обеспечение писчиков, которые не были включены в штат воеводских канцелярий, по сравнению со штатными канцелярскими служащими было низким. Они кормились в основном акциденциями, то есть жили от добровольной дачи челобитчиков, «кто, что даст по своей воле» [6, с. 277; 12, с. 652-653]. Должность писчика была достаточно перспективной и давала ему возможность, в случае вакансии, на замещение копиистской должности в канцелярии. Например, писчик Г. Шестаков, принятый в 1753 г. в Чебоксарскую воеводскую канцелярию «для переписки всяких дел набело», уже в 1754 г. был переведен на должность копииста [3, д. 59, л. 45 об., 59 об.; 17, д. 181, л. 58-59.]. Однако не всегда приказным людям удавалось сохранить свою родовую профессию за своими детьми, устроить их писчиками. Ввиду различных стечений обстоятельств детям канцелярских чиновников приходилось доказывать властям, что они относятся к приказным людям и претендуют на определенные привилегии, например, не платить подушные сборы. Так, после смерти ядринского канцеляриста И. С. Коровина остались его малолетние дети, которые были «положены подушной оклад обще города Ядрина с салдатскими детми» [5, д. 114, л. 421-422]. Приказное происхождение служащего для самодержавного правительства еще не было основным фактором, определявшим предоставление чиновнику государственных льгот. Так, подьячий с приписью И. Поляков и его сын писчик Василий Чебоксарской воеводской канцелярии являлись пленными «поляками» и были положены в подушной оклад в д. Вторая Турунова Чебоксарского уезда [3, д. 59, л. 61, 100-100 об., д. 75, л. 2-4].

Низшее звено канцелярских служащих: сторожи, рассыльщики или офицеры и солдаты штатной команды – находилось в еще более худших условиях, нежели приказные люди. Это было связано как с родом деятельности отставных военных, так и с их социальным происхождением. Сторожи и рассыльщики воеводских канцелярий были в основном из отставных солдат. В качестве жалованья в одних случаях выделялись земли [10, л. 44], в других – выплачивалось денежное жалованье. Так, размер денежного жалованья для каждого рассыльщика Ядринской воеводской канцелярии в 1762-1763 гг. был установлен «по три копейки на день» [5, д. 114, л. 288, 357 - 358 об., 452].

До 1763 г. правительство осуществляло выплату денежного жалованья служащим периодически [14, с. 316-323, 380-383]. Лишь с принятием Штата 1763 г. чиновники Российской империи стали регулярно, три раза в год, обеспечиваться денежными средствами. Для уездного воеводы годовое денежное жалованье было установлено в размере 375 руб., воеводский товарищ получал 250 руб., секретарь – 200 руб., канцеляристы, подканцеляристы и копиисты – по 60, 40 и 30 руб. соответственно, сторож – 18 руб., а служащие штатной команды, в зависимости от звания и занимаемой штатной должности – от 7 руб. 50 коп. (рядовые солдаты) до 126 руб. (прапорщик) [2, д. 4, л. 57-58; 3, д. 6, л. 13-16, 26 об., д. 41, л. 298 - 298 об., д. 53, л. 222-224, д. 61, л. 219-222; 5, д. 199, л. 23 - 23 об., 30-31; 20, с. 69]. В аппарате управления провинциальных воевод жалованье было, естественно, несколько выше [16, д. 85 а, л. 297 - 297 об.; 20, с. 69].

С установлением годового денежного жалованья в соответствии с занимаемой должностью и классным чином у чиновников возрос интерес к продвижению по служебной лестнице. Это стало престижно как в плане укрепления своего материального положения, так и повышения социального статуса. Например, в 1772 г. секретарь Свияжской провинциальной канцелярии Ф. Горемыкин просил администрацию ходатайствовать перед губернскими властями о повышении его в чине. По мнению Ф. Горемыкина, из тех, кто вместе с ним работал в разных должностях, «многие получили себе чины штап афицерские», а другие служащие, имевшие чины титулярных советников, были пожалованы в коллежские асессоры. Таким образом, дворянин и титулярный советник Ф. Горемыким перед ними остался «безавантажен» [16, д. 85 а, л. 287 - 287 об.].

За добросовестную службу различные чины получали воеводы, воеводские товарищи, а также выходцы из приказных чиновников. Для примера, воеводы Чебоксарской канцелярии П. Матюшкин, Цивильской канцелярии П. Копиев, Ядринской канцелярии Ф. Кудрявцов имели классные чины коллежского асессора, а чебоксарские воеводы Ф. Шахмаматов, А. Всеволожский и А. Копылов были надворными советниками [2, д. 3, л. 69; 3, д. 39, л. 214 - 214 об., д. 133, л. 20; 4, д. 13, л. 24; 5, д. 135, л. 2]. В 1776 г. И. Г. Ильин, секретарь Ядринской воеводской канцелярии, был пожалован в чин титулярного советника [15, д. 604, л. 89-105.]. В октябре 1776 г. И. А. Набрешнов, начавший свою канцеляристскую карьеру в 1756 г. в Чебоксарской воеводской канцелярии копиистом, ходатайствовал перед Герольдмейстерской конторой о предоставлении чина коллежского регистратора, и его просьба была удовлетворена [Там же, л. 228 - 231 об.]. Классные чины коллежского регистратора были, к примеру, и у секретаря Ядринской воеводской канцелярии А. Кудрявцова, отставного чебоксарского канцелярского служащего А. Ф. Кокшайского [3, д. 149, л. 2-3; 5, д. 114, л. 31 об., д. 135, л. 142] и др.

Низшие воеводские служащие, видя положение канцелярских людей, стремились попасть в эту более высокую по статусу прослойку и в последующем оставить за своими детьми право работать при воеводских канцеляриях в качестве приказных. Так, в середине XVIII в. в Цивильской воеводской канцелярии несли службу 3 приказных служащих из однодворческих детей, 1 – из рассыльщических; в Чебоксарской воеводской канцелярии – 1 из поповских и 2 из солдатских детей [16, д. 181, л. 20 - 20 об., 22, 34 об., 58 об.].

Итак, в двухуровневой системе воеводского управления материальное обеспечение чиновника зависело от социального происхождения, занимаемой должности, чина, а также от статуса административного органа управления – уездного или провинциального. Каждое звено местной бюрократии стремилось подняться на высокую ступень социальной иерархии чиновничества, что мотивировалось, в первую очередь, желанием укрепить имущественное положение. Высшие и средние чины воеводских канцелярий Чувашии стали вкладывать средства в свои имения, делая основной акцент на сельское хозяйство. Здесь произошла мобилизация как денежных, так и людских ресурсов, что стало залогом стабильности в имущественном положении местных чиновников в послепетровский период. Лишь в 60-х годах XVIII столетия, когда материальное обеспечение местной бюрократии начало осуществляться регулярно в соответствии с нормами закона, возрос престиж должностей и классов чин в бюрократической среде. Это послужило для низших служащих одним из стимулирующих факторов для проникновения в подьяческую корпорацию и улучшения своего социально-материального положения.

Список литературы

1. **Генеральный регламент или Устав № 3534, 28 февраля 1720 г.** // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. VI.
2. **Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР).** Ф. 1. Оп. 1.
3. **Там же.** Ф. 2. Оп. 1.
4. **Там же.** Оп. 2.
5. **Там же.** Ф. 3. Оп. 1.
6. **Готье Ю. В.** История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1913. Т. 1. 472 с.
7. **Демидова Н. Ф.** Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII-XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). М.: Наука, 1964. С. 206-242.
8. **Димитриев В. Д.** История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773-1775 годов). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. 532 с.
9. **Наказ губернаторам и воеводам и их товарищам № 5333, 12 сентября 1728 г.** // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. VIII.
10. **Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН).** Фонд В. Д. Димитриева. Т. 14.
11. **О бытии воеводам на службе по пяти лет:** постановление Сената № 11131, 26 октября 1760 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XV.
12. **О выдаче коллежским чинам жалованья:** постановление Сената № 4889, 23 мая 1726 г. // Там же. Т. VII.
13. **О перемене во всех городах воевод через два года:** Именной указ № 5522, 20 марта 1730 г. // Там же. Т. VIII.
14. **Писарькова Л. Ф.** Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М.: РОССПЭН, 2007. 743 с.
15. **Российский государственный архив древних актов (РГАДА).** Ф. 286. Оп. 1.
16. **Там же.** Ф. 441. Оп. 1.
17. **Там же.** Ф. 615. Оп. 1.
18. **Российское законодательство X-XX веков:** в 9-ти т. М.: Юрид. лит., 1986. Т. 4. 512 с.
19. **Троицкий С. М.** Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. 396 с.
20. **Штаты.** № 11991, 15 декабря 1763 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXXXIV. Ч. 2. Отдел 4.

MATERIAL SECURITY OF PROVINCIAL AND DISTRICT VOIVODE SERVICEMEN WITHIN CHUVASHIA TERRITORY IN 1727–1781

Dmitrii Viktorovich Basmantsev

Department of Archival Science and Scientific Discipline of Documentation

Chuvash State University named after I. N. Ul'yanov

basmantsev@rambler.ru

The author analyzes the material security of local voivode officials on the basis of provincial and district chancelleries' data and shows the factors which influenced their social and property status.

Key words and phrases: voivode management personnel; money salary; class ranks; Russian Empire in the XVIIIth century.